

Е. В. Ерофеева

Екатеринбург, Россия

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И ИХ КОСВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. Предпринимается попытка определения места речевых актов угрозы и предупреждения в смысловой классификации побудительных высказываний. Устанавливаются сходства и различия между указанными речевыми актами. Опираясь на сходство в плане выражения, автор объединяет угрозу и предупреждение и рассматривает их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллокутивным значением «предупреждение нежелательного действия». Однако существующие различия в плане содержания менасивов и авертивов влекут за собой и различия в плане их выражения, а именно возможность эксплицитно-перформативного оформления речевого акта предупреждения и невозможность такого оформления для речевого акта угрозы. Анализируются способы формирования косвенных речевых актов. В наибольшей степени внимание уделяется семантическим транспозициям. На примере французского исследовательского материала делается вывод о том, что практически любой речевой акт, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему присоединяется речевой акт обещания негативных последствий. Специфика менасива заключается в том, что это сложное высказывание, относящееся к директивно-коммиссивному типу речевых актов.

Ключевые слова: прагматический анализ; речевые акты угрозы и предупреждения; менасивы и авертивы; директивы; побудительные высказывания; перформативные глаголы; бенефактивность; максимы Грайса; прямые и косвенные речевые акты; семантические транспозиции.

Сведения об авторе: Ерофеева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: заведующий кафедрой романских языков, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: e.v.erofeeva@yandex.ru.

E. V. Erofeeva

Ekaterinburg, Russia

**SPEECH ACTS OF MENACE AND WARNING AND
THEIR INDIRECT REALIZATION IN FRENCH
DISCOURSE**

Abstract. The present article attempts to identify the place of the speech acts of menace and warning in the semantic classification of the directive illocutions. The similarities and differences of the above-mentioned speech acts are defined. The similarities in the expression allow the author to merge the menace and warning and to consider them as hyponym associated with a larger group of expressions with an illocutive semantic “prevention of an undesirable action”. However, the existing differences of the menace and warning semantic lead to the differences in their expression, i.e. the possibility of the explicite and performative expression of the speech act of warning, and the impossibility of such expression of the speech act of menace. The ways of making the indirect speech acts are analyzed. The greater expression is paid to semantic transpositions. On the example of the French research material it is concluded that almost any speech act expressing the directive intension can become a menace in a particular context, if it is accompanied by a speech act promising the negative consequences. The specific trait of the menace implies that it is a complex utterance related to the directive and commissive speech acts.

Key words: pragmatic analysis; speech acts of menace and warning; directive illocutions; performative verbs; bенефактивность; Grice’s maxims; direct and indirect speech acts; semantic transpositions.

About the author: Erofeeva Elena Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: Head of Department of Romance Languages, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg); Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural State Economic University (Ekaterinburg).

Попытки упорядочить и классифицировать побудительные высказывания предпринимались неоднократно [Бельский 1953; Грачева 1982; Романов 1982; Любимов 1984; Никитина 1988; Корди 1989; Богданова 1990; Беляева 1992; Ерофеева 2014 и др.]. Количество вариантов побудительности колеблется от двух: «инъонктивы» — «реквестивы» [Почепцов 1980: 5—10] до двадцати и более [Элиешюте 1969: 10]. В литературе, посвященной побудительным высказываниям, предлагается целый список подтипов императивных предложений, например: повеление (побуждение в собственном смысле, команда, приказ, военный приказ); официальное указание, инструкции (кулинарные

рецепты, указания на этикетках, распоряжения по поводу поведения); запрещение, побуждение (со значением подбадривания и поощрения); предложение и рекомендация, совет, просьба, пожелание, предупреждение, угроза, порицание (упрек, обвинение); проклятие, разрешение, отказ. С самого начала этого списка становится ясным, что не все вышеперечисленные подтипы повеления соответствуют общему типу побуждения как таковому. Поэтому необходимо найти общие семантические компоненты перечисленных «оттенков волеизъявления» (термин В. С. Храковского), которые позволяют относить их к директивам, а также выявить специфические

составляющие их значений, благодаря которым можно отличить один вид побуждения от другого.

В большинстве работ последнего времени принимается за основу наиболее распространенное тройственное разграничение значений побудительных высказываний, при этом выделяемые варианты получают у разных авторов различные наименования. Так, первая группа обозначается термином «инъюнктивы» [Почепцов 1980: 5; Любимов 1984: 5; Романов 1982: 7; Грачева 1982: 11]. Вторая группа получила название «оптативные побуждения» [Любимов 1984], «апеллятивные побуждения» [Грачева 1982]. В том случае, если учитывается и третья группа, то она называется «рекомендательные побуждения» [Романов 1982] или «суггестивные побуждения» [Никитина 1988: 8].

В тройственной смысловой классификации вариантов побудительных высказываний, предлагаемой в работе Е. И. Беляевой «Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык» [Беляева 1992], выделяется три прагматических разновидности директивов: а) прескриптивы (инъюнктивы); б) суггестивы; в) реквестивы в соответствии с признаками обязательности выполнения действия, приоритетности положения говорящего и бенефактивности действия для говорящего.

Директивные речевые акты представлены широкой гаммой различных оттенков побуждения — от категоричного приказа до совета и мольбы. Семантическая общность подобных высказываний проявляется в том, что «лицо каузирует действие (состояние) другого лица». Семантическая структура такого типа имеет сложный характер: «лицо (каузатор) каузирует действие» и «другое лицо должно совершить ответный акт по отношению к каузатору». Общая побудительная модальность, присущая всем трем видам директивов, выступает в приказах как *обязательность*, в совете — как *возможность* и в просьбе — как *желательность* выполнения указанного действия с точки зрения говорящего.

Речевой акт угрозы (далее РАУ) как таковой не входит ни в один из перечисленных видов директивов. Требование, выраженное в РАУ, представляет собой вид прескриптива, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. В одних случаях, отмечает Е. И. Беляева, это нежелание обусловлено психологическим состоянием адресата, в других — непризнанием приоритетности положения говорящего. Говорящий может присваивать приоритет, действуя с «позиции силы». Вторая часть семантической структуры угрозы лежит в поле комиссива.

Речевой акт предупреждения (далее РАП), в основе которого лежит желание заставить избежать опасность, представляет собой вид

суггестива, основанный на прагматической пресуппозиции желания адресата не действовать вопреки своим интересам после извещения об опасности [Беляева 1992].

Итак, РАУ и РАП не могут относиться к одному подтипу поля директивов, поскольку различаются в плане содержания (облиigatorность выполнения действия, бенефактивность действия для говорящего). Более того, РАУ в плане выражения реализуется в виде двучастных структур, так как является сложным директивно-комиссивным речевым актом. Что касается РАП, то его семантическая структура также может реализовываться в виде сложных предложений. В этом случае РАП можно отнести к директивно-ассертивным речевым актам. Этим объясняются попытки некоторых лингвистов установить отношения подобия между РАУ и РАП. Например, Ребайн считает, что угроза может становиться предупреждением и наоборот в зависимости от того, представляет собой говорящий санкционную силу или нет. Если говорящий сам готов применить определенные санкции в отношении неподчинившегося адресата, то речь идет об угрозе [Rehbein 1977: 333]. Сейдок предлагает объединить оба типа речевого поведения в один подтип требования на основании сходства критериев, кроме одного — разной позиции интересов слушающего и говорящего.

Наша попытка объединить РАУ и РАП и рассматривать их в качестве гипонимов по отношению к более широкой группе высказываний с иллокутивным значением предупреждения нежелательного действия опирается на наличие общей черты у названных речевых актов в плане выражения, а именно: РАУ всегда, а РАП иногда реализуются в сложном предложении, что, безусловно, объясняется их сложной семантической структурой.

В целом РАУ и РАП относятся к речевым актам побуждения. Однако Б. Бартшат считает, что побуждение представляет собой нечто вроде позитивного полюса по отношению к предупреждению. Само же предупреждение должно описываться на фоне его отличий от угрозы. Задача заключается в том, чтобы показать, какие специфические особенности получает предупреждение и может ли оно рассматриваться в качестве требования [Bartschat 1982: 80].

Ребайн относит предупреждение к директивным требованиям, затрагивающим определенную ступень (фазу) исполнения некоего действия и способствующим модификации процесса поведения адресата [Rehbein 1977: 325]. При этом слушающему не каузируется мгновенное исполнение действия, но он должен пересмотреть план своего поведения. Это нечто вроде рекомендации на будущее. В этом смысле предупреждение близко к совету. Говорящий знает, что имеется инстанция, которая, расценивая поведение индивида как негативное, выработала определенный план про-

ведения санкционных действий (штрафы, возмездия и др.). Сам же говорящий, не представляющий лично санкционную силу, выступает по отношению к собеседнику в роли доброжелателя и относится нейтрально или даже отрицательно к возможным негативным последствиям, грозящим адресату.

Как известно, любое высказывание исходит от «я», адресовано к «ты» и сообщает нечто о «нем». Обращенность речевого акта как важнейшее его свойство обуславливает коррелятивность «я» и «ты» [Солганик 1981]. Конкретный адресат, подразумеваемый при РАУ (названный прямо или косвенно), может отсутствовать при РАП. Например: *L'eau n'est pas potable. / Вода непригодна для питья.* Когда же адресат не установлен, эффект выполнения действия ожидать напрасно. При предостережении возможны формы обращения типа междометий: *Eh! quelqu'un, ohé! / Эй! Человек!* Например: *Eh! Fais attention quand même! / Эй! Будь повнимательнее!*

Различие между РАУ и РАП представляет собой и различие в «степени заинтересованности адресанта в выполнении ожидаемого действия и в признаке необязательности исполнения действия» [Никитина 1988]. Так, при угрозе адресант желает незамедлительного исполнения действия, причем необязательность этого исполнения исключается: требование должно быть выполнено; при речевом акте предупреждения учитывается тот факт, что это всегда посылка в будущее, а решение об обязательности исполнения или неисполнения действия принимает сам адресат после оценки своего положения.

В противовес предупреждению, при РАУ говорящий не ссылается на законодательную силу, а сам выступает в роли санкционной силы. Отношение между РАУ и РАП заключается, таким образом, в том, что предупреждение может стать угрозой, если говорящий сам готов применить санкционную силу.

Существует тезис о том, что РАУ отличается от РАП разной позицией интересов слушающего и говорящего. Это различие было предложено Сейдоком. Речевой акт предупреждения имеет положительную бенефактивность для адресата, т. е. в намерения говорящего не входит применение насилия по отношению к слушающему:

- (1) **Tais-toi! Parle de cette façon et ton grand-père te dressera en un rien de temps** [Exbrayat 1991]! / *Замолчи! Будешь так разговаривать, получишь от деда в два счета!*

Предполагаемая польза и ее направленность прогнозируются говорящим и влияют на характер волеизъявления и на выбор соответствующих языковых средств. Признак бенефактивности предполагает, соответственно, появление новой ситуации в пользу: а) говорящего при РАУ; б) адресата речи при РАП.

По мнению Сейдока, эти два типа речевых актов относятся к классу требования, но различаются с грамматической точки зрения. В английском языке, считает Сейдок, угроза обычно выражается в форме положительного императива, а предупреждение — в форме отрицательного [Sadock, Jerrold 1974]. В этом смысле предупреждение близко к запрещению. Сравним два примера:

- (2) **Vous allez quitter cette ville tout de suite... Nous avons votre femme et nous la tuons, sinon...** [Arnaud 1992] / *Вы сейчас же покинете город... Ваша жена у нас, и в противном случае мы ее убьем.*
- (3) — **N'oubliez pas, ça fait grossir — dit-il en lui indiquant la quantité de frites dans son assiette...** [Br. Le Varlet 1990] / *„Не забывай, от этого полнеют“, — сказал он, указывая ей на количество жареной картошки в ее тарелке.*

В языке существуют разные средства, с помощью которых реализуется коммуникативная цель речевого акта. «В зависимости от характера индексов иллокутивной силы можно говорить о двух формах выражения РА: эксплицитном, в котором иллокутивное намерение выражено отдельным языковым элементом, и имплицитном, когда иллокутивная сила имплицитно содержится в семантической структуре языковой формы» [Беляева 1992: 25]. Под прямым, эксплицитным способом выражения речевого акта (РА) подразумевается использование перформативного глагола в его «классическом употреблении», т. е. в форме настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения с местоимением 1 лица единственного числа (в роли подлежащего). Эти так называемые «эксплицитные перформативы» [Остин 1986: 67], или «перформативные префиксы» [Levinson 1983: 224], которые однозначно и вполне конкретно определяют характер коммуникативного намерения говорящего. В зависимости от семантики перформативного глагола речевое действие говорящего определяется слушающим как приказ, просьба, совет, запрещение и т. д. Так, РАП эксплицитен по своей сути и во французском языке может передаваться перформативными глаголами — *avertir, prévenir*, например:

- (4) **Je vous prévient: vous ferez mieux de ne pas y aller** [Simenon 1988]! / *Я вас предупреждаю, вам лучше туда не ходить!*

Однако имеется ряд речевых актов, которые не могут быть выражены с помощью эксплицитных перформативов (речевые акты инструктории, подстрекательства, оскорбления, угрозы и др.). Эксплицитное выражение иллокутивной силы данных речевых актов возможно лишь при описании, а не при их производстве:

- (5) **Il me menaçait, si je parlais, de tuer Jean... Il me menaçait de nouveau, si je ne lui obéissais pas immédiatement, de faire une nouvelle victime...** [Steman 1983] / *Он угрожал мне,*

что, если я проговорюсь, он убьет Жана... Он снова угрожал мне новой жертвой, если я ему мгновенно не подчинюсь.

Итак, в качестве иллюкативных индикаторов речевых актов, не имеющих перформативного выражения (угроза, хвастовство, гордость, оценка, порицание, похвала, критика), выступают просодика и типовая синтаксическая схема [Романов 1986]. Однако синтаксическая форма предложения — повелительная, повествовательная, вопросительная — задает лишь иллюкативный потенциал высказывания, снабжая слушающего «ключом», позволяющим раскрыть общее иллюкативное намерение говорящего. Г. В. Колшанский замечает по этому поводу, что «определенное место в описании подобных РА занимают и паралингвистические средства, т. е. факторы, непосредственно сопровождающие речь. Сюда следует отнести и выразительные телодвижения, жесты, мимику, которые тоже участвуют в коммуникации, в передаче информации и передаются вербальными средствами (ремарки автора)» [Колшанский 1973: 16].

В процессе нашего исследования было замечено, что добавление квазикомментария типа *Это было предупреждение, Я Вас предупреждаю* и тому подобного к высказыванию, содержащему угрозу, не меняет прагматический тип менасивного высказывания, если в намерения говорящего входит применение санкций, влекущих негативные последствия для адресата. Приведем пример:

(6) ***Je vous prévient: si, même malgré votre beau discours, vous me mêlez à une affaire louche, je vous arracherai les yeux*** [Arnothy 1984]. *Я вас предупреждаю: если, несмотря на вашу прекрасную речь, вы втянете меня в темное дело, я вам выцарапаю глаза.*

Таким образом, в современной лингвистике РАУ и РАП относят к речевым актам побуждения. Несмотря на то что названные речевые акты являются сложными образованиями и одинаково состоят из ситуаций побуждения и обещания негативных последствий, в структуре данных речевых актов имеются некоторые различия. В плане содержания это выражается в следующем:

1. Побуждение к действию в РАУ осуществляется через **обещание** негативных последствий, а в РАП имеет место **констатация** негативных последствий.

2. В РАУ выражается отрицательная бенефактивность для адресата, а осуществление негативных последствий входит в намерение говорящего. РАП, напротив, маркирован положительной бенефактивностью для адресата, где применение насилия по отношению к слушающему не входит в намерения говорящего, так как он лично не представляет ту «санкционную силу», которая приводит в исполнение обещание негативных последствий.

3. При угрозе присутствует высокая степень заинтересованности говорящего в мгновенном исполнении действия, тогда как при предупреждении отмечается необлигаторностью выполнения требования для адресата. Это всего лишь попытка заставить слушающего пересмотреть в будущем свое поведение.

Различия в плане содержания РАУ и РАП влекут за собой и различия в плане выражения, а именно возможность эксплицитно-перформативного оформления речевого акта предупреждения и невозможность такого оформления для РАУ.

Говоря о косвенных смыслах высказываний, нельзя оставить без внимания способы формирования косвенных речевых актов. Дж. Серль подробно разобрал роль грамматических конструкций и модальных глаголов в формировании косвенных высказываний [Серль 1986]. Более широко этот вопрос рассматривается в статье В. Г. Гака, который выделяет три основных способа: а) отступление от правил речевого общения, сформулированных Г. П. Грайсом; б) семантические транспозиции; в) переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов [Гак 1992: 84].

Сформулированные Г. П. Грайсом правила языкового общения подразумеваются автором как условия успешности речевых актов и включают в себя правила количества, качества, релевантности, способа действия [Грайс 1985]. Отступление от правила количества (максима полноты информации по Грайсу) часто создает дополнительные коннотации. Недостающие или излишние с точки зрения семантики компоненты могут косвенно выражать различные эмоции и чувства говорящего. Отступление от максимы качества (говори правду!) подразумевает имплицитные способы выражения намерения говорящего. Это правило близко правилу релевантности (не отклоняйся от темы!). Иногда буквальный смысл высказывания оказывается неуместным в конкретной ситуации, но тем самым передает оттенки личностного восприятия ситуации коммуникантом, его манеру внутреннего осмысления событий. Примером может служить рассказ А. Аверченко «Здание на песке»: муж Митя ждет прибавления семейства и не раз задает один и тот же вопрос своему другу. Митя: *„Он будет крупным ребенком. Такой большущий, толстый, розовый мальчуган... А? Как ты думаешь... что мы из него сделаем?“ Муж Митя так надоел мне этими вопросами, что я хочу предложить вслух: — „Котлеты под морковным соусом“. Но говорю: — „Инженера“* [Аверченко 1985: 33]. Хотя и произнесенная, но подразумеваемая фраза косвенно указывает на то, что собеседник устал от однообразных вопросов.

Максима способа действия или манеры подразумевает ясность, краткость и последо-

вательность изложения. Отступление от этого принципа часто используется в рекламе. Например, перед прокатом фильма «Le Grand Bleu» во Франции использовался метод «анти-рекламы» как способ привлечения максимального количества публики: *N'y allez pas! Ça dure plus que 3 heures! / Не ходите на него! Это длится больше 3 часов!*

Семантические транспозиции представляют собой прежде всего использование одного вида речевых актов в значении другого, например вопроса в качестве побуждения (*Не скажете ли Вы, который час?*), отрицательного высказывания в значении утвердительного и наоборот (принцип обратной корреляции в условных менасивных конструкциях). Одним из видов семантической транспозиции является употребление высказывания общего значения вместо частного в конкретных условиях. Для угрозы в качестве примера можно привести высказывания, менасивное значение которых не относится к конкретному субъекту или к конкретным обстоятельствам, например: *Я так этого не оставлю! Жизнь надоело? Ну, заяц, погоди!* Эти фразы отличаются повышенной экспрессивностью и большей категоричностью, так как действия говорящим не конкретизированы: *Брюнет, подвинься, а то блондином станешь! Шкуру с тебя спущу! Узнаешь, как искры из глаз сыпятся! Сделаю тебе бледный вид и форму чемодана, двойное дно, зубы рядом!* [Белянин, Бутенко 1994]. Высказывания подобного рода, представляющие собой «фрагментализованные реплики» (по В. Г. Гаку), относятся к языковым универсалиям. Межъязыковые различия здесь проявляются только в форме реплик или в их лексическом наполнении. Ср. во французском: *Je vous apprendrai à vivre! Vous aurez affaire à moi! Vous me trouverez sur votre passage! Je vais t'en faire voir de toutes les couleurs! Tu vas entendre parler du pays! Je te ferai voir trente-six chandelles!* (буквально *Я научу вас жить! Будете иметь дело со мной! Встретите меня на своем пути! Я покажу тебе это во всех цветах радуги! Ты еще услышишь об этой местности! Ты увидишь у меня тридцать шесть свечей!*) и др.

Далее В. Г. Гак выделяет переносное употребление некоторых грамматических категорий и разрядов слов как еще один способ формирования косвенных смыслов высказываний. Он заключается в том, что некоторые грамматические типы предложений (вопросительные, отрицательные) или некоторые модальные глаголы употребляются в несобственном значении. Такое употребление грамматических форм является индикатором косвенного высказывания и отражает национальную специфику речевого поведения коммуникантов, так как «во многих случаях одна и та же иллокутивная сила реализуется в разных языках с помощью различных средств, даже при одинаковом лексическом наполнении фразы»

[Гак 1992: 87]. Например, для передачи побудительного значения во французском языке могут использоваться повествовательные и вопросительные предложения. Интересно также несобственное использование модальных глаголов *vouloir* — хотеть, *pouvoir* — мочь. Положительная вопросительная форма этих глаголов во французских косвенных высказываниях употребляется для выражения побуждения. При этом соблюдается известная доля вежливости. Довольно часто встречается употребление глагола *vouloir* после условного *si* в директивных речевых актах, выражающих различные оттенки волеизъявления (от совета до приказа).

Использование принципа семантической транспозиции как косвенного способа передачи смысла высказывания свидетельствует об определенном отношении говорящего к когнитивным способностям собеседника, к его способности сделать надлежащий вывод из сообщаемого, т. е. правильно понять и воспринять высказывание.

С точки зрения содержания косвенные речевые акты угрозы и предупреждения, образованные путем семантической транспозиции другого речевого акта в сферу менасивной и авертивной семантики, представляют собой предложения, по своим формальным признакам являющиеся единицей одного прагматического типа, а в речевой ситуации приобретающие иллокутивную силу предложений другого типа. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, косвенные речевые акты в поле побудительности представляют собой использование языковых средств, предназначенных для выражения одной разновидности побуждения, в функции побуждения какого-либо другого типа [Арутюнова 1988].

В ходе исследования мы пришли к выводу, что практически любой речевой акт, выражающий побудительную интенцию говорящего, может в определенном контексте стать угрозой, если к нему присоединяется речевой акт обещания негативных последствий. Действительно, специфика менасива в том и состоит, что это сложное высказывание, относящееся к директивно-комиссивному типу речевых актов [Hancher 1979]. Итак, директивная часть сложного менасивного комплекса может представлять собой:

- (7) **запрет**: *Je vous interdis d'appeler mon père Sam, autrement je ne garantis pas votre sécurité* [Arnaud 1992]. / Я запрещаю вам называть моего отца Сэмом, в противном случае я не гарантирую вашу безопасность;
- (8) **разрешение** (ложная стимуляция действия): *Répète ça et je te tue* [Exbrayat 1991]! / Повтори это, и я тебя убью!;
- (9) **совет**: *Je te conseille de ne plus m'injurier, sinon ça va être ta fête et tu vas recevoir une raclée* [Steeman 1983]. / Я те-

бе советую больше меня не оскорблять, иначе ты получишь взбучку;

- (10) **приказ: *Les mains levées et pas de tentatives à la con, sinon je vous fais plein de grands trous dans les poumons*** [Simenon 1988]! / Руки вверх, и без дурацких выходов, иначе я изрешечу ваши легкие!;
- (11) **предупреждение: *Je te previens: le prochain coup que tu laisses tomber les copains pour aller tirer ta crampe, c'est moi qui te fais ton affaire*** [Quentin 1985]! / Я тебя предупреждаю: в следующий раз, когда ты бросишь товарищей ради своего удовольствия, твоими делами займусь я!;
- (12) **просьбу: *Vous êtes prié de ne pas bouger. En cas de désobéissance je tire*** [Arnothy 1989]! / Пожалуйста, не двигайтесь. В случае неповиновения я стреляю!

Большое значение в определении коммуникативной направленности данных речевых актов имеет общая отрицательная бенефактивность второй части высказывания. Сравни: *tuer* — убивать, *tirer* — стрелять, *ne pas garantir la sécurité* — не гарантировать безопасность, *recevoir une raclée* — потерпеть поражение, *faire des trous dans les poumons* — продырявить легкие и т. д.

Все вышесказанное в равной мере относится и к речевому акту предупреждения. Призыв к предосторожности может выражаться в форме:

- (13) **запрета: *Ne le faites pas; vous ne vous rendez pas compte du degré de mécontentement, de la colère de ces hommes*** [Exbrayat 1991]. / Не делайте этого; вы не отдаете себе отчет об уровне недовольства и ярости этих людей.
- (14) **совета: *A votre place je ne partirais pas seul, car personne ne peut être sûr de rien*** [Leblanc 1989]. / На вашем месте я не поехал бы один, потому что никто не может быть ни в чем уверен.
- (15) **просьбы: *Je vous prie de me croire sur parole et prendre garde parce qu'ils sont dangereux*** [Arnothy 1989]. / Я прошу вас поверить мне на слово и поберегаться, потому что они опасны.

Негативные последствия, выражаемые в комиссивном речевом акте (угроза) или в асертиивном (предупреждение), тоже могут выражаться другими видами речевых актов, используемыми в значении обещания или констатации. По мнению В. И. Михалевича, в качестве РАУ часто используются ретрогрессивные высказывания, описывающие события через обращение к памяти человека и выполняющие рекомендательную или побудительную функцию. Он иллюстрирует это следующими примерами:

РАУ: *Ne haussez pas les épaules, Leroy, rappelez-vous ce qu'était l'atmosphère de la*

ville pendant les jours du "Coutances" avec les batailles entre les dockers et les C.R.S. / Не пожимайте плечами, Леруа, вспомните, какая царила атмосфера в городе во время эпохи „Кутанс“ с постоянными баталиями между докерами и республиканскими отрядами безопасности.

РАП: *Souviens-toi qu'il n'est plus possible de canoter sur le lac des Aubicrs, car l'entreprise est maintenant trop dangereuse.* / Не забывай, что больше не представляется возможным кататься на лодке по озеру, потому что деятельность предприятия сегодня очень опасна [Михалевич 1989].

Прагматическая направленность побудительных ретрогрессивных высказываний зависит от отношений между коммуникантами. Неравенство в бытовом плане, основанное на авторитете, знаниях, опыте одного из участников акта коммуникации, определяет рекомендательную функцию высказываний.

Менасивная семантика может выражаться в так называемых клятвенных речениях:

- (16) ***Je jure que vous me payerez tout ça... Oh! Je vous retrouverai, prenez garde*** [Zola 1954]! / Я клянусь, что вы мне заплатите за это... О! Я вас найду, берегитесь!

Высказывания, входящие в контекст жизни, интонационно маркированы. На это обратил внимание М. М. Бахтин: «Такие речевые явления, как приказания, требования, заповеди, запрещения, обещания (обетования), угрозы, хвала и т. п. составляют очень важную часть внеконтекстной действительности. Все они связаны с резко выраженной интонацией, способной переходить (переноситься) на любые слова и выражения, не имеющие прямого значения приказания, угрозы и т. п.» [Бахтин 1979: 366]. В устной речи, благодаря интонации, не составляет никакого труда разграничить самые тонкие оттенки побуждения, угадать самые «утонченные стратегии» [Кауфман 2005]. Письменная речь лишена такого мощного фактора, как интонация. Она замещается либо авторскими ремарками, указывающими на модальный аспект высказывания, либо тип речевого акта выявляется из непосредственного контекста. Показательными являются следующие примеры, где контекст уточняет характер обычного речевого акта констатации:

- (17) ***Moi, j'attends-dit-elle. Et il croyait comprendre qu'elle menaçait d'attendre aussi longtemps qu'il serait nécessaire pour y (dans son sac) enterrer à leur tour ses actions à lui, quand la maison croulerait...*** [Zola 1954] / „Я-то подожду“, — сказала она. И ему показалось, что она угрожает ждать столь же долго, сколько потребуется, чтобы в свою очередь уничтожить (у него в сумке) его акции, когда компания разорится...

- (18) ***Je n'oublie jamais le bien qu'on me fait, ni, à plus forte raison, le mal... (Sa recon-***

naissance avait un arrière-goût de menace, elle était amère et acide comme l'odeur de la poudre à canon) [Leblanc 1989]. / Я никогда не забываю добро, которое мне сделали, ни тем более зло... (Его признательность имела привкус угрозы. Она была горькой и кислой, как запах пушечного пороха).

С точки зрения формы косвенное выражение менасивов и авертивов предполагает использование предложений других коммуникативных типов, нежели этого требует семантика данных речевых актов. Дело в том, что традиционная классификация предложений по коммуникативной установке с выделением повествовательных, вопросительных и побудительных не учитывает прагматического значения, приобретаемого высказыванием в зависимости от социальных отношений, связывающих говорящего и слушающего, а также в зависимости от реальной ситуации, в которой осуществляется речевой акт. Под воздействием иллюкативных факторов повествовательные, вопросительные и побудительные предложения могут менять свою коммуникативную направленность [Конрад 1986: 355; Серль 1986: 195]. Так, менасивная и авертивная семантика может выражаться не только побудительными и повествовательными предложениями, как например:

(19) **Bref, vous êtes cuit, monsieur Courtois** [Calef 1990]. / Одним словом, вы разорены, господин Куртуа.

(20) **Sachez donc que ce n'est rien encore, tout ça** [Zola 1954]! / Знайте, что это еще не все! — но и вопросительными конструкциями, например:

(21) **Et toi, on t'a jamais dit que toucher à un Macômer, c'était signer son arrêt de mort** [Exbrayat 1990]? / А тебе разве никогда не говорили, что задеть кого-то из Макомеров — это подписать свой смертный приговор?

(22) **Attention, mon petit gars, tu veux qu'on te mette ta petite gueule au carré** [Exbrayat 1992]? / Осторожно, мальчонка, ты хочешь, чтобы тебе набили морду?

Д. Конрад отмечает, что «употребление вопросительного предложения в значении просьбы, требования, угрозы, предупреждения и т. п. — феномен, известный лингвистам достаточно давно» [Конрад 1986: 349].

В теории речевых актов вопрос определяется как речевое действие, направленное на получение говорящим неизвестной ему информации. В косвенных речевых актах угрозы и предупреждения вопросительные предложения реализуют свою вторичную функцию, а именно используются в качестве побудительных предложений. Так, например, вопросительное высказывание *Et si j'appelle la police? / А если я вызову полицию?* при соответствующем контексте (хозяин дома обращается к не-

званому гостю с требованием перестать стучать в дверь) становится косвенным речевым актом угрозы. Такое замещение коммуникативной цели отвечает тому, что Гордон и Лакофф называют смягчением коммуникативного намерения, так как речевой акт обещания негативных последствий выражен в некатегоричной форме [Гордон, Лакофф 1985]. Приведем еще один пример:

(23) **Vous osez insulter sa fiancée? Vous voulez qu'il vous traîne en prison, espèce de con** [Exbrayat 1990]? / Вы не боитесь оскорблять его невесту? Вы хотите, чтобы он вас посадил в тюрьму, придурок?

В данном речевом акте говорящий, используя вопрос, пытается предупредить слушающего о грозящей ему опасности (la prison) в случае несоблюдения предосторожности (*Prenez garde de ne pas insulter sa fiancée*).

Негативные последствия тоже могут быть выражены в форме вопроса:

(24) **Alors, Rigo, tu me laisses sortir ou s'il faut que je te descende** [Exbrayat 1991]? / Итак, Ригго, ты дашь мне выйти или мне тебя прикончить?

(25) **Vaudrait mieux coopérer avec eux ou s'il te faut qu'ils aient recours à la manière forte** [Quentin 1985]? / С ними лучше сотрудничать, или ты хочешь, чтобы они прибегли к крайним мерам?

(26) **Vos parents, seront-ils contents de vous voir à la une des journaux en tant que complice présumée d'un étranger qui a tué sa femme pour en hériter? — Non! — Alors? Vous allez parler** [Arnothy 1989]? / — „А ваши родители, будут ли они рады видеть вас на первых страницах газет в качестве предполагаемой сообщницы иностранца, который убил свою жену из-за наследства?“ — „Нет!“ — „Итак? Вы будете говорить?“

Приведенные примеры показывают, что говорящий ждет от слушающего не ответа на свой вопрос, а реакции в виде действия.

Анализ отобранных высказываний показал, что ряд речевых актов угрозы сопровождается речевыми вопросительными конструкциями, утратившими свое лексическое и грамматическое значение и служащими для выражения эмоционального состояния говорящего: гнева, раздражения и т. п. Это такие вопросительные клише, как *compris? c'est clair? c'est d'accord? tu piges? tu vois? — ясно? понятно? сечешь?* и др. Например:

(27) **Lève-toi et accompagne-moi. Si tu cries, si tu t'avises de me trahir, je te tue avant qu'on ne vienne. Compris** [Arnaud 1992]? / Вставай и иди за мной. Если ты крикнешь или вздумаешь меня обмануть, я убью тебя раньше, чем они придут. Ясно?

Возвращаясь к вопросу о семантической транспозиции как одном из косвенных способов выражения иллюкативной интенции гово-

рящего, хотелось бы отметить, что данный способ играет большую роль в устройстве и функционировании языка. Благодаря транспозиции, представляющей собой одно из следствий и форм проявления асимметрии в языке, создаются прагматические синонимы для выражения оттенков значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверченко А.* Избранные рассказы. — М. : Сов. Россия, 1985.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, Событие, Факт // АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1988.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979.
4. *Бельский А. Б.* Побудительная речь // Учен. зап. 1-го МГПИИЯ им. М. Тареза. — М., 1953. Т. 6. С. 81—147.
5. *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения. Английский язык. — Воронеж : ВГУ, 1992.
6. *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь : слов. разговорных выражений. — М. : ПАИМС, 1994.
7. *Богданова Р. М.* Побудительная речь. Проблемы типологии и интерпретации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990.
8. *Гак В. Г.* Прагматические аспекты высказывания // Современные проблемы романистики: функциональная семантика : тез. 5 Всесоюз. конф. по романскому языкознанию / АН СССР, Ин-т языкозн. ; КГУ. — 1986. Т. 1. С. 58.
9. *Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 276—303.
10. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
11. *Грачева Л. И.* Средства выражения разрешения и запрещения во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982.
12. *Ерофеева Е. В.* Прагматические аспекты речевых актов различной коммуникативной направленности в современном французском языке / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014.
13. *Кауфман Ж.-К.* Первое утро: как рождается история любви / пер. с фр. Е. Ерофеевой. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005.
14. *Колчанский Г. В.* Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // ВЯ АН СССР. 1973. № 1. С. 16—23.
15. *Конрад р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 349—384.
16. *Корди Е. Е.* Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1989.
17. *Любимов А. О.* Средства выражения побуждения в португальском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1984.
18. *Михалевич В. И.* Референциальная и прагматическая направленность ретрогрессивных высказываний в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1989. С. 105—130.
19. *Никитина Н. Н.* Вокативные и императивные высказывания в прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988.
20. *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 22—129.
21. *Почепцов Г. Г.* Прагматика текста // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств : сб. науч. тр. — Калинин : КГУ, 1980. С. 5—10.
22. *Романов А. А.* Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике : сб. науч. тр. — Пятигорск, 1986. С. 195—200.
23. *Романов А. А.* Коммуникативно-прагматические и семантические свойства немецких высказываний-просьб : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калинин, 1982.
24. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 195—223.
25. *Солганик Г. Я.* К проблеме типологии речи // ВЯ АН СССР. 1981. № 1. С. 70—79.
26. *Элиешюте С. П.* К вопросу о воздейственности речевого побуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1968.
27. *Arnaud G.-J.* Le dossier Atrée // Les angoisses. — Paris : Fleuve noir, 1992.
28. *Armothy Ch.* L'ami de la famille. — Paris : B — Grasset, 1984.
29. *Armothy Ch.* Vent africain. — Paris : B — Grasset, 1989.
30. *Bartschat B.* Structur und Funktion verbaler Aufforderungen // Lingwistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte. — Berlin, 1982. S. 137—141.
31. *Calef N.* Ascenseur pour l'hélicoptère. — М. : Vyssaja Škola, 1990.
32. *Exbrayat.* Aimez-vous la pizza? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1991.
33. *Exbrayat.* Espion, où es-tu, m'entends-tu? — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1992.
34. *Exbrayat.* Un coeur d'artichaut. — Paris : Librairie des Champs — Élysées, 1990.
35. *Hancher M.* The Classification of cooperative illocutionary acts // Language in society. 1979. Vol. 8. № 1. P. 1—14.
36. *Leblanc M.* Arsène Lupin, gentlement-cambrioleur. — М. : Ed. Radouga, 1989.
37. *Levinson S. C.* Pragmatics. — Cambridge : Univ. Pr., 1983.
38. *Quentin P.* L'assassin est à bord. — Paris : Librairie des Champs — Élysées, 1985.
39. *Rehbein J.* Komplexes Handeln: Elemente zur Handlungstheorie der Sprache. — Stuttgart : Metzler, 1977.
40. *Sadock J. M.* Towards a linguistic. Theory of Speech Acts. — New York : Acad. Pr., 1974. 11.
41. *Simenon G.* La jument perdue // Tout Simenon 2. — Paris : Presse de la Cité, 1988.
42. *Steeman S. A.* Six hommes morts. — Paris : Librairie des Champs-Élysées, 1983.
43. *Br. Le Varlet.* Le bel amour. — Paris : Editions Albin Michel, 1990.
44. *Zola E.* L'Argent. — Moscou : Ed-s en langues étrangères, 1954.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.